

Научная статья / Research Article

УДК 902.21

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(4\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(4).-06)

EDN: KRAIMO

ПОТЕНЦИАЛ ПОЙМЕННЫХ ОСТРОВОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ДЛЯ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ О. НЯША В НИЖНЕМ ПРИТОМЬЕ)

Юлия Константиновна Квасница^{1*},
Евгений Владимирович Барсуков², Сергей Васильевич Лойко³,
Асап Алексеевич Идимешев⁴

¹Томский государственный университет, Томск, Россия;
ju.kvasnitsa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8958-3915>

²Томский государственный университет, Томск, Россия;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
barsukovevg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3761-5039>

³Томский государственный университет, Томск, Россия;
s.loyko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2020-4716>

⁴Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия;
asapidimeshev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6151-4625>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье представлены результаты археологических исследований, проведенных на острове Няша сотрудниками Томского государственного университета. Остров находится в нижнем течении р. Томи, образован Иштанской протокой и основным руслом реки (Томский район, Томская область). Няша является одним из крупнейших по площади пойменных островов Нижнего Притомья, однако целенаправленных археологических исследований здесь не проводилось. Проведенная в 2021 г. на правом берегу Иштанской протоки (западный берег острова) археологическая разведка позволила получить новые данные о его заселении и освоении древним и средневековым населением. На острове было обследовано три археологических памятника: Местонахождение на о. Няша, Остров Няша-І, Остров Няша-ІІ. Коллекции, происходящие с памятников, относятся к эпохам неолита, бронзы, раннего железа и средневековья. Для памятника Остров Няша-І были получены радиоуглеродные даты, увязанные со стратиграфическим контекстом. Результаты анализа исторических и археологических данных позволяют сделать вывод о перспективности пойменных островов для поиска археологических объектов, датирующихся эпохой неолита — новейшим временем.

Ключевые слова: пойменные острова, река Томь, неолит, эпоха бронзы, эпоха раннего железа, средневековье

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект №FSWM-2024-0006).

Для цитирования: Квасница Ю.К., Барсуков Е.В., Лойко С.В., Идимешев А.А. Потенциал пойменных островов Западной Сибири для историко-археологических исследований (на примере о. Няша в Нижнем Притомье) // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №4. С. 87–106. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(4\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(4).-06)

POTENTIAL OF FLOODPLAIN ISLANDS OF WESTERN SIBERIA FOR HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL RESEARCH (BASED ON NYASHA ISLAND IN THE LOWER TOM REGION)

**Yuliya K. Kvasnica^{1*}, Evgeniy V. Barsukov², Sergei V. Loiko³,
Asap A. Idimeshev⁴**

¹Tomsk State University, Tomsk, Russia;

ju.kvasnitsa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8958-3915>

²Tomsk State University, Tomsk, Russia;

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;

barsukovevg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3761-5039>

³Tomsk State University, Tomsk, Russia;

s.loyko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2020-4716>

⁴National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia;

asapidimeshev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6151-4625>

*Corresponding Author

Abstract. Archaeological study of the islands of the Lower Tomsk region was previously carried out with the aim of establishing the places of residence of the Tatar population. Archaeological exploration conducted in 2021 on the right bank of the Ishtanskaya channel of the Tom River (Nyasha Island) expanded existing understanding of the settlement of the islands by the ancient and medieval population. During the exploration, three archaeological sites were surveyed: Mestonahozhdenie na o. Nyasha, Ostrov Nyasha-I, Ostrov Nyasha-II. The materials discovered at the listed sites date back to the Neolithic, Bronze, Early Iron and Middle Ages. At the Ostrov Nyasha-I archaeological heritage site, the stratigraphic context of the occurrence of finds in the cultural layer was recorded, in which, along with artifacts, charcoal was found, which served as a source for radiocarbon dating. The results of the analysis of historical and archaeological data indicate the prospects of searching for archaeological sites on the floodplain islands of Western Siberia.

Keywords: floodplain islands, Tom river, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages

Acknowledgments: the study was performed within the framework of a state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (проект №FSWM-2024-0006).

For citation: Kvasnica Yu.K., Barsukov E.V., Loiko S.V., Idimeshev A.A. Potential of Floodplain Islands of Western Siberia for Historical and Archaeological Research (Based on Nyasha Island in the Lower Tom Region). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research.* 2024;36(4):87–106. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(4\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(4).-06)

B *ведение*

Особая роль островов в освоении человеком сибирских ландшафтов отмечалась в научной литературе не единожды. В Нижнем Притомье целенаправленное археологическое изучение расположенных на островах памятников, в частности, проводилось с целью выявления селений местных групп татар (Водясов, 2020). Авторы исследования указали семь островов, где, согласно проведенному анализу исторических, картографических и археологических данных, с высокой долей вероятности могли располагаться археологические памятники, являющиеся свидетельством прежнего существования здесь «летних юрт» татарского населения.

Археологические исследования, проведенные в 2021 г., позволили существенно расширить представление о специфике заселения и освоения островов древним и средневековым населением Нижнего Притомья.

Изучение левобережья р. Томь в окрестностях д. Нагорный Иштан начинается в 1920-х гг. К началу 2000-х гг. на этой территории был открыт комплекс памятников, включающий городища, поселения и могильники (Рудковский И.В., Рудковский С.И., 2010). В то же время находящийся по другую сторону Иштанской протоки остров Няша долгое время оставался вне зоны интереса исследователей.

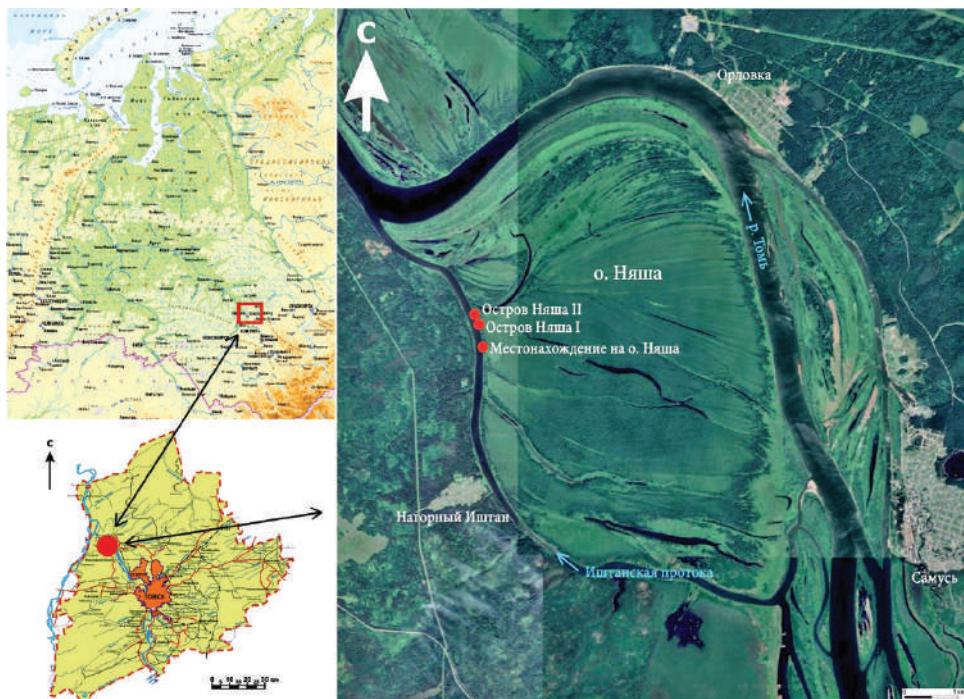

Рис. 1. Местоположение ОАН Местонахождение на о. Няша, Остров Няша-I и Остров Няша-II.
Космоснимок (дата съемки: 4 сентября 2021 г.)

Fig. 1. Location of the sites Mestonahozhdenie na o. Nyasha, Ostrov Nyasha I and Ostrov Nyasha II.
Space image (date of photography: September 4, 2021)

В 2021 г. была предпринята успешная попытка археологического изучения острова. Маршрут разведки охватил правобережье Иштанской протоки р. Томь (западный берег о. Няша). Стоит отметить, археологическая разведка по указанному маршруту стала возможной лишь по причине того, что в сентябре 2021 г. уровень р. Томь был достаточно низким. Это позволило провести обследование верхней части склона русла Иштанской протоки. Сложность доступа к данной территории в течение большей части полевого сезона отчасти объясняет «слабый» интерес археологов к подобным участкам. Кроме этого, утвердилось негласное мнение (ошибочность которого все чаще подчеркивается исследователями (см., напр., Кирюшин, 2024) о том, что ежегодное затопле-

ние островов в сезон паводков делает их малопригодными или вовсе непригодными для жизни. Это мнение, однако, не учитывает сезонного характера некоторых моделей жизнеобеспечения, позволяющего обитать в поймах и на островах в периоды, когда вода с этой территории отступает.

В результате проведенной археологической разведки было выявлено два ОАН: «Остров Няша-I», «Остров Няша-II». Кроме этого, была уточнена информация об ОАН «Местонахождение на о. Няша» (рис. 1). Данная статья посвящена результатам изучения острова Няша, часть материалов публикуется впервые.

Природно-географическая характеристика и исторические данные о районе исследования

Остров, известный по современным картам под названием «Няша», является одним из самых значительных по размерам в нижнем течении р. Томи ($46,6 \text{ км}^2$). В месте его нахождения ширина поймы р. Томи достигает 5–6 км. По сведениям письменных источников разного времени остров был известен под несколькими названиями: Штанской (*Иштанский*) (Сибирь XVIII века..., 1996, с. 173), Луговой (Карта юго-восточной части Томского округа...), Няша (Подробные планы..., 1906). Одно из первых его описаний встречается в записях Г.Ф. Миллера, датируемых 1740 г.: «Штан протока, маленький рукав р. Томи на западной стороне. Его верхнее устье находится в 6 верстах от Тугулдеевых юрт, и он простирается вниз по течению на 15 верст, образуя таким образом между ним и р. Томью большой остров, носящий название Штанской» (Сибирь XVIII века..., 1996, с. 173). Сделанная почти 300 лет назад характеристика острова в общих чертах соответствует современной топографической ситуации, что указывает на относительную стабильность русловых процессов на данном отрезке реки.

Вопрос истории формирования острова до сих пор остается не изученным, что, собственно, актуально и для других островов Нижнего Притомья, являющихся «белым пятном» в контексте изучения их природно-географических особенностей.

Остров Няша, с позиций геоморфологии, представляет собой типичную сегментно-гривистую речную пойму. Рельеф острова волнисто-гривистый, сильно осложнен веерами блуждания и многочисленными старицами. Вдоль левого берега р. Томи имеются многочисленные песчаные косы, современные отложения Иштанской протоки на большей ее протяженности представлены иловатыми суглинками. Имеются многочисленные вытянутые понижения, бывшие протоки, по части из них стекают ручьи, дренирующие заболоченные поверхности острова. Из-за активного отложения аллювия по бортам русел Иштанской протоки и р. Томи входы в протоки быстро заливаются, перегораживаются прирусловыми валами, и они превращаются в старицы, большинство которых не имеет связи с рекой.

Отметки высот этого пойменного острова в среднем составляют 6–7 м над меженным урезом воды в его центральной, заболоченной и относительно выровненной части. Заросшие лесом гривы, прирусловые валы с зарастающими лесом и кустарником залежными лугами высоты 7–7,5 м. В наиболее возвышенной юго-восточной части острова высоты достигают 8–8,5 м над урезом воды. Центральная часть острова наиболее древняя и занята торфяным болотом с преобладанием в древостое березы, кедра и ели. Благодаря длительному торфонакоплению и росту поверхности острова вверх это

пространство затапливается лишь вдоль сохраняющихся проток и озер за счет подпора весной местных вод, речные же воды сюда почти не проникают (рис. 2). Мощность торфяной залежи может достигать 7 м. Торфа низинные травяно-древесного типа. Из-за длительного накопления торфа гравии в центральной части острова выражены слабо.

Южная треть острова относительно моложе и формировалась за счет смещения к югу Иштанской протоки. Из рисунка 2 видно, что центральная часть южной трети острова затапливается в максимальные паводки, а не затапливаемым является широкий прирусловый вал вдоль Иштанской протоки и вдоль р. Томи. Эти валы образуются в результате перехвата твердого стока, что поступает по руслу р. Томи. Часть этой незатапливаемой территории занята заболоченным пойменным лесом (рис. 3). Прирусловые валы имеют пестрый гранулометрический состав — от суглинков до песков. Основанием для всех пойменных отложений острова являются песчано-гравийно-галечниковые отложения.

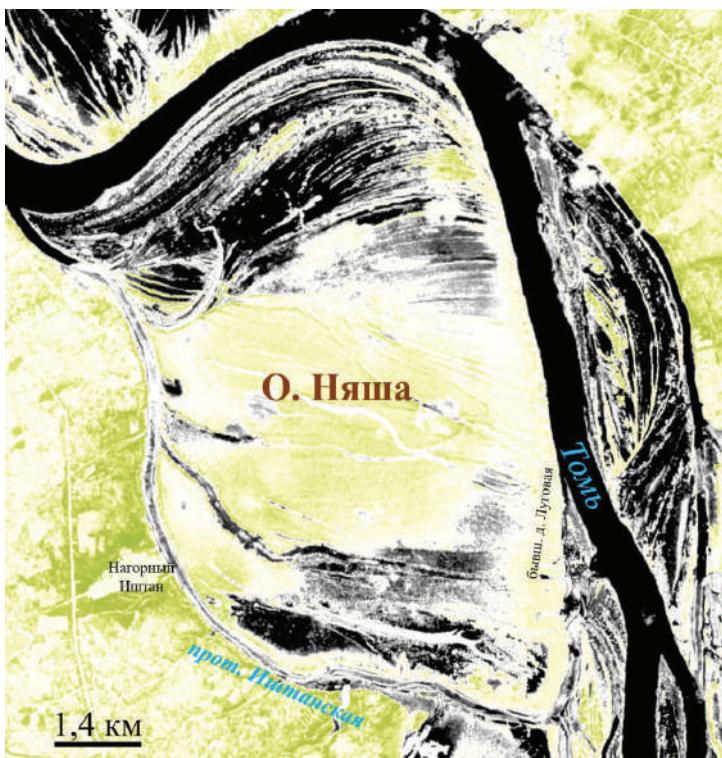

Рис. 2. Затопление острова Няша в одно из наибольших половодий на р. Томь за последние десять лет (16 апреля 2024 г.). Вода — черным

Fig. 2. Flooding of Nyasha Island during one of the biggest floods on the Tom River over the past ten years (April 16, 2024). Water is black

Северная треть острова самая молодая, представляет собой гравистую шпору мандр Томи с многочисленными замкнутыми вытянутыми понижениями, часть из ко-

торых является старичными озерами. При движении к югу нарастают заболоченность понижений, сложенных слоистыми торфяно-иловатыми отложениями. В северной части острова прирусловые валы молодые, активно растущие и быстро отмирающие по причине появления новых валов. Здесь пойма выдвигается к северу со скоростью первые сотни метров за 100 лет. Старый прирусловой вал прослеживается вдоль восточной части северной трети острова, именно он перегораживает выходящие сюда старицы, предотвращая поступление в них речных вод.

Возраст пойменных отложений острова в большинстве своем голоценовый, однако нельзя исключать нахождения в центральной части острова и позднеплейстоценовых отложений.

Из вышесказанного следует, что современные природно-географические особенности острова не являются непреодолимым препятствием для его освоения. Более того, исторические материалы указывают, что именно они стали определяющими в его раннем вовлечении в хозяйственный оборот русским населением, а затем и стабильном заселении. Освоение острова русскими связано с основанием в середине XVII в. д. Нагорный Иштан. До этого момента Няша находилась во владении местных татар-эуштингцев, что не исключает функционирования здесь их сезонных «летних» поселений.

Деревня Нагорный Иштан располагается на левом высоком коренном берегу Иштанской протоки, напротив центральной части о. Няша. Она является одним из самых старых сельских населенных пунктов в окрестностях г. Томска. Деревня была основана Федором Ивановичем Пущиным, точная дата не известна, но это точно случилось до 1653 г. Она была куплена у «татарина Тюзума с товарищи» из Горбуновых юрт, «...со всеми рыбными ловлями и с Курьею верхнею и с лугом, что на острову, а остров куплен Тюгильдеевых юрт у татарина Ишпердея с товарищи...» (Бояршинова, 1950, с. 137). Вероятнее всего, Федор Пущин приобрел угодья именно на острове Няша, который располагался напротив деревни.

В 1653 г. Нагорный Иштан перешел в собственность Алексеевского монастыря — путем вклада служилого человека Пущина: «Се, яз Федор Иванов сын Пущин положил деревню свою купленную в дом пресвятые богородицы, а та моя деревня вниз Томи реки в Штане протоке на низ плывучи полевой стороне... И впредь мне до той деревни дела нет и роду моему и племени...» (Бояршинова, 1950, с. 137; Беликов, 1898, с. 11). Монастырь организовал здесь новый участок своего хозяйства, поселив пять крестьянских семей для обработки пашни, косьбы сена и т.д. Поля Алексеевского монастыря в окрестностях д. Иштанской в 1682 г. составляли 200 десятин в поле и сенные покосы на 100 копен сена. Крестьяне монастыря пахали на себя 13 десятин в поле и накашивали около 1000 копен сена. Монастырь за это взимал с них пятнинный хлеб. В 1703 г. пять крестьянских семей поставляли монастырю 22 четей хлеба. Кроме того, дворовые монастырские работники возделывали для монастыря 3 десятины в поле и накашивали 100 копен сена (Емельянов, 1981, с. 101).

Принадлежность к монастырю обусловила то, что во 2-й половине XVII — XVIII в. Нагорный Иштан в источниках часто упоминался под названием «деревня Монастырская». По описаниям Г.Ф. Миллера в 1740 г. она находилась на западной стороне, на Штан-протоке, в 6 верстах от ее верхнего устья. В деревне насчитывалось 15 дворов

монастырских крестьян, относящихся к Алексеевскому монастырю в Томске (Сибирь XVIII века..., 1996, с. 173).

Таким образом, освоение русским населением о. Няша начинается как минимум с середины XVII в., с момента основания д. Нагорный Иштан (Монастырская). Население деревни издревле использовало для рыболовства водоемы острова, а также прирусловые валы и гривы в качестве сенокосов, которые к настоящему времени заброшены и превратились в зарастающие древесно-кустарниковой растительностью луга. Кроме этого, остров представлял интерес из-за наличия в заболоченном лесу кедра, что делало эти места перспективными угодьями для заготовки шишки в урожайные годы.

Важной особенностью острова являлось наличие в верхнем конце возвышенных участков, достигавших отметок первой надпойменной террасы, которые затоплялись полыми водами только в отдельные годы, когда образовывались ледяные заторы на р. Томи. Природные условия острова, его сильная заболоченность делают его малопригодным для постоянного проживания населения, однако юго-восточная часть острова является исключением. По письменным источникам известно о функционировании здесь деревни, название которой отражало еще одну его природно-географическую характеристику — Луговая. Здесь действительно имелись значительные площади лугов, которые были приурочены к высоким прирусловым валам. Местное население активно использовало их для сенокошения. Из деревни Луговой сено доставляли даже в Томск.

Деревня Луговая (другое название Иштан) возникла во 2-й половине XVIII в., не ранее 1782 г. (Емельянов, 1981, с. 114) и просуществовала до 2-й половины XX в. В 1805 г. здесь насчитывалось 18 душ мужского пола, а 1859 г. — 40 дворов и 93 мужчины (Емельянов, 1981, с. 171). В месте ее было расположения до сих пор имеются покосы и небольшая заимка в северной части угодий. Нужно заметить, что на томском отрезке реки русские деревни имелись только на двух островах, одним из которых был как раз Няша.

Еще один необычный объект, локализующийся на острове, связан с развитием пароходства на р. Томи. В начале XX в. Няша использовалась в качестве зимней базы пароходов Курбатова — «Зимовка парах. Курбатова» (Подробные планы..., 1906, л. 17). Она располагалась на западном берегу острова, немного ниже по течению от устья ручья, соединяющего протоку Иштанскую с оз. Большим. Здесь находились строения, предназначенные для персонала, обслуживающего зимовку, а также гидротехнические конструкции. Руинированные фрагменты шлюзов сохранились на водоемах острова до настоящего времени. Подобные объекты в малой степени важны для археологии, тем не менее они представляют несомненный интерес для изучения истории пароходства в Западной Сибири. Аналогичные «зимовки» археологами уже фиксировались, например, в устье р. Таган, где были сделаны находки рубежа XIX–XX вв., а также в месте расположения зимней базы пароходства.

Локализация на острове подобного объекта связана, по-видимому, с еще одной характерной для о. Няша чертой. Это наличие здесь разветвленной сети пойменных озер. Для их обозначения существовал разработанный топонимический аппарат, фиксирующийся в сложившемся виде уже в XIX в. В этот период здесь фиксировались озера под названиями: Глухое, Поганое, Поперечное, Долгое, Большое (Карта юго-восточной ча-

сти Томского округа...; Подробные планы..., 1906). Столь подробная топонимическая индивидуализация островных озер в нижнем течении р. Томи фиксируется только для одного острова — это Няша. Пойменные водоемы, быстро и динамично меняющиеся, во многом зависящие от особенностей гидрологического режима основного водотока, характеризуются нестабильными размерами и коротким периодом существования. По большей части этот момент является причиной их «безымянного» присутствия даже на современных топографических картах. Индивидуализация пойменных водоемов — это показатель их стабильного существования, известности для местного населения и вовлеченности в хозяйственный процесс. По-видимому, местные пойменные озера представляли интерес для рыболовства, не случайно в 1653 г. Федор Пущин вместе с деревней Нагорный Иштан приобрел Верхнюю Курью на острове (Бояршина, 1950).

Рис. 3. Прирусловой вал острова Няша с прибрежными кустарниками, лугами по центру и осинником на склоне вала, обращенном в сторону острова. Напротив деревни Нагорный Иштан. За валом заболоченный кедрово-березово-еловый лес

Fig. 3. The riverbank of Nyasha Island with coastal shrubs, meadows in the center and aspen on the slope of the bank facing the island. Opposite the village of Nagorny Ishtan. Behind the bank there is a swampy cedar-birch-spruce forest

Археологические данные о районе исследования

Маршрут археологической разведки, как было отмечено ранее, пролегал по правобережью Иштанской протоки р. Томь (западный берег о. Няша) по верхней части правого склона русла протоки и прирусловому валу. Обследование позволило уточнить данные об ОАН «Местонахождение на о. Няша», а также выявить два ОАН: «Остров Няша-I», «Остров Няша-II». Ниже представлена информация о каждом из этих памятников.

«Местонахождение на о. Няша». Данный памятник имеет неординарную историю исследования, при попытке разобраться в которой и был намечен план археологического обследования острова. Позволим себе остановиться на этой истории подроб-

нее. ОАН «Местонахождение на о. Няша» был включен в список выявленных объектов культурного археологического наследия 30 августа 2013 г. Первооткрывателем местонахождения считается И.В. Рудковский. Имеющиеся официальные данные о памятнике содержат следующую информацию. Археологический объект расположен в 2 км ниже по течению от д. Нагорный Иштан. Он занимает фрагмент правого берега протоки Иштан, являющегося юго-западным берегом острова Няша. Имеющиеся на сегодняшний день материалы с памятника позволяют сделать выводы о его многослойности. Найдки датируются неолитом, ранней и поздней бронзой, ранним железным веком, ранним и поздним средневековьем.

К сожалению, в архивах Томска и Северска сведений об археологической разведке, в ходе которой был выявлен этот памятник, найдено не было. В музее г. Северска удалось обнаружить, лишь коллекцию под №6050 с пояснительной запиской С.И. Рудковского, из которой следует, что находки происходят из Томского района и являются сборами 1998 г. на острове Няша. Их произвел А.Г. Пыжанов, являвшийся на тот момент сотрудником МУ «Археологическая инспекция» г. Северска. Точное местонахождение сборов, к сожалению, не было зафиксировано. Сведения о локализации ограничивались информацией об их приуроченности к правому берегу Иштанской протоки, его фрагменту, расположенному напротив урочища Чердашный Лог, в 2 км ниже по течению от д. Нагорный Иштан. В записке также отмечается, что уровень воды в реке был значительно ниже нормы, при этом находки А.Г. Пыжановым были обнаружены в илистом слое, находившемся ниже уровня воды. Коллекция включает в себя 154 находки. Основную массу составляет керамика — 113 ед. хр., остальные находки представлены орудиями из камня и отходами камнеобработки. Также из текста пояснительной записи следует, что большая часть находок относится к эпохе неолита, но присутствуют также фрагменты керамики эпох бронзы, раннего железа и средневековья (Рудковский, 2009).

Результаты натурного обследования острова, проведенного в 2021 г., позволили прояснить ситуацию и сделать выводы о неточности данных, характеризующих место сбора археологической «подъемки». Было зафиксировано три локации с экспонированными археологическими предметами. Каждая из них была выделена в качестве отдельного объекта археологического наследия: «Местонахождение на о. Няша», «Остров Няша-І» и «Остров Няша-ІІ». По нашим предположениям, хранящаяся в музее г. Северска археологическая коллекция сформирована из находок со всех трех объектов и содержит разновременные материалы: от неолита до позднего средневековья.

В 2021 г. был обследован юго-западный берег острова Няша, в 2 км ниже д. Нагорный Иштан, где по данным пояснительной записи в 1998 г. и были сделаны находки. Однако подъемного материала, визуально различимых в рельефе руинированных объектов, обнажений культурного слоя зафиксировано не было. Найдки были обнаружены севернее этого места, в 2,75 км ниже д. Нагорный Иштан. Найдки залегали на отложениях руслового аллювия, в верхней части склона русла протоки. Обнаруженные подъемные материалы представлены 88 фрагментами керамических сосудов, а также каменной створкой литейной формы. Найдки концентрировались на участке протяженностью около 110 м, примерно 10 м шириной. Они находились на незначительном

удалении, примерно 5 м, от прируслового вала и располагались хаотично. Часть материалов была обнаружена в воде.

Собранные находки датируются эпохами неолита, бронзы, раннего железа и средневековья. Неолитическую эпоху представляет фрагмент туловища керамического сосуда, относящегося к новокусковскому типу, который находит наиболее близкие аналогии на топонимном памятнике Новокусковская стоянка, расположенному в Томско-Нарымском Приобье (рис. 4.-1) (Косарев, 1981, с. 63–71). К степановской культуре ранней бронзы относятся восемь фрагментов керамических сосудов (фрагмент венчика, фрагмент придонной части, шесть фрагментов туловища), орнаментированных в печатно-гребенчатой технике с отдельными элементами, выполненными шаганием с протаскиванием (рис. 4.-2–4). Основной ареал распространения памятников данной культуры выделяется в Васюганье, в Томском Приобье наиболее крупный комплекс подобной керамики фиксируется на поселении Самусь-IV (Кирюшин, 2004, с. 61, 74–77; Молодин, Глушков, 1989, с. 77–95). Материалы поздней бронзы представлены двумя фрагментами венчиков от сосудов ирменской культуры. Орнамент выполнен в технике прочерчивания, дополненной жемчужником и ямками (рис. 4.-5–6) (Косарев, 1981, с. 172–180; Мыльникова, Васильев, 2016). Фрагменты двух венчиков от сосудов шеломокской культуры представляют эпоху раннего железа, орнамент составляют жемчужник и насечки (рис. 4.-7–8) (Плетнева, 1977, с. 54–67). Также на памятнике обнаружены 14 фрагментов сосудов (восемь фрагментов венчиков и фрагменты туловища) раннего средневековья, орнаментированных гребенкой, ямками и наколами (рис. 4.-9–13) (Беликова, Плетнева, 1983, с. 50–71). Обнаружено три фрагмента сосудов (фрагмент венчика и два фрагмента туловища) позднего средневековья, орнаментированных гребенкой, насечками, ямками (рис. 4.-14–15) (Плетнева, 1990, с. 98–101). На остальных фрагментах сосудов отсутствуют признаки для атрибуции или они имеют плохую сохранность.

С учетом наиболее приближенного месторасположения к участку и условий залегания находок, схожих с теми, которые отмечались в пояснительной записке к коллекции сборов с о. Няша и в списке выявленных ОАН, а также схожей датировки артефактов был сделан вывод, что данный участок и является, по всей вероятности, памятником «Местонахождение на о. Няша».

«Остров Няша-І». ОАН «Остров Няша-І» расположено в 3,2 км ниже по течению реки от д. Нагорный Иштан. Памятник занимает поверхность верхней части правого склона русла Иштанской протоки р. Томи (западный берег о. Няша). К данному участку склона русла примыкает прирусловой вал высотой 5 м. Поверхность памятника состоит из руслового аллювия, растительность отсутствует. В пределах прируслового вала имеется древесная растительность, на его склоне это ива, в центральной части — разнотравно-злаковый смешанный лес, преимущественно осина и береза, с незначительной примесью ели. Выраженные в рельефе объекты на склоне русла и прирусловом вале отсутствуют, памятник выделен по наличию подъемного материала, залегающего на участке протяженностью около 90 м и шириной около 10 м, на отложениях руслового аллювия. Залегание материала отмечено на приблизительно одинаковом гипсометрическом уровне; по всей площади памятника сохранился участок без находок в непосредственной близости к прирусловому валу. На основа-

нии этого факта было выдвинуто предположение о залегании культурного слоя в современном русле Иштана.

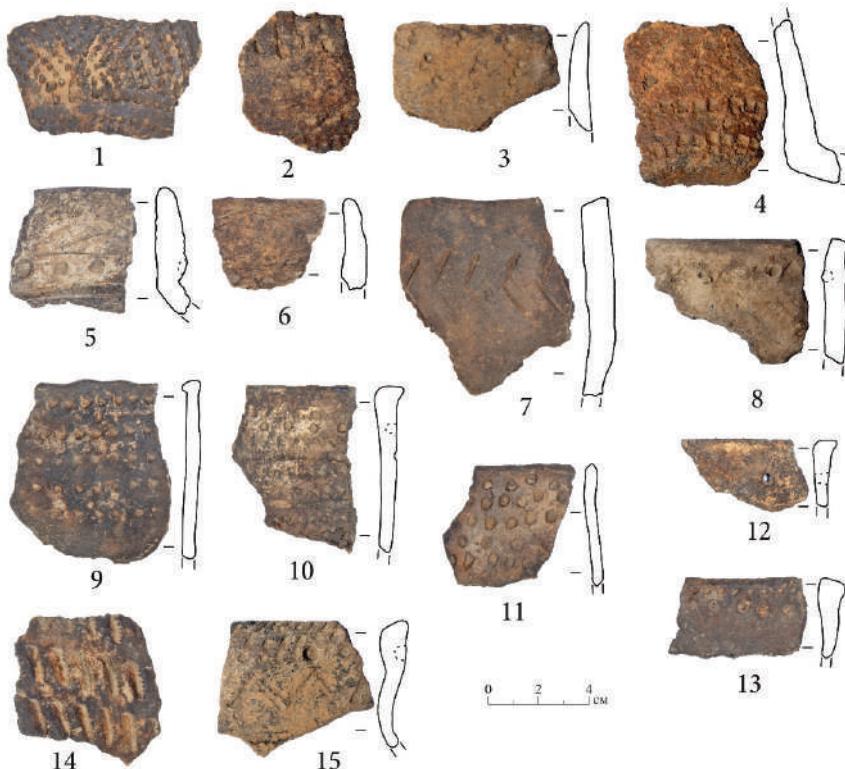

Рис. 4. Керамика ОАН «Местонахождение на о. Няша»: 1 — эпоха неолита; 2–6 — эпоха бронзы; 7–8 — эпоха раннего железа; 9–15 — эпоха средневековья

Fig. 4. Ceramics of the site «Mestonahozhdenie on Nyasha Island»: 1 — Neolithic; 2–6 — Bronze Age; 7–8 — Early Iron Age; 9–15 — Middle Ages

Нужно заметить, что локализация неолитических памятников в пойме является характерной для Нижнего Притомья. Эта особенность отмечалась применительно к поселению Усть-Порос и поселению Чердашный Лог (Кондрашов, 2002; Рудковский, 2007). Аналогичная ситуация фиксируется и для других районов юга Западной Сибири (Молодин, Зах, 1979; Ширин, 2015, с. 30–31; Марочкин и др., 2021). На обозначенной территории известны и другие расположенные на островах памятники, относящиеся к эпохе неолита, например поселения Игровков Остров-І, ІІ (Синицына, 1986, 1991) и местонахождение Буранов-Остров (Кирюшин, 2024), расположенные на однотипных островах.

Для того чтобы установить, размывается ли культурный слой непосредственно из склона русла или подъемный материал был экспонирован в ходе разрушения прируслового вала, а также ответить на вопрос, соответствуют ли подъемный материал и находки из неразрушенного культурного слоя друг другу, между прирусловым ва-

лом и участком концентрации подъемного материала был заложен рекогносцировочный раскоп площадью 4 кв. м.

Зафиксированная стратиграфическая ситуация позволила проследить культуроодержащий горизонт, мощность которого составила 0,46–0,51 м. Он залегал от дневной поверхности на глубине 1,18–1,69 м и соответствует слою серой глины с прослойками серой супеси, который перерезается слоями гумусированной темно-серой супеси с высокой концентрацией древесного угля и гумусированной коричневой супеси. Его перекрывают и подстилают аллювиальные отложения серой глины (Квасница, Бычков, Идимешев, 2023, с. 48). Зафиксированные в рекогносцировочном раскопе находки представлены фрагментами керамических сосудов, изделиями из камня и продуктами его расщепления. Кроме этого, были найдены мелкие кальцинированные косточки, состояние которых не позволило провести видовое определение. Полученные материалы подтвердили однослойность памятника и его датировку периодом позднего неолита. Нужно заметить, что для определения особенностей формирования выявленного культуроодержащего горизонта на памятнике целесообразна закладка стратиграфических разрезов на прирусловом вале.

Полученный керамический комплекс с археологического объекта Остров Няша-І включает 1598 фрагментов керамики. В рекогносцировочном раскопе было найдено 125 фрагментов, 1473 единицы являются результатами сбора материала с поверхности. Около 27% всех фрагментов — венчики сосудов. Данный керамический комплекс находит наиболее близкие аналогии в материалах Новокусковской неолитической стоянки, а также стоянок Игреково-І-ІІ, расположенных в Томско-Чулымском Приобье (Косарев, 1981, с. 63–71; Синицына, 1991, с. 81–82). Фрагменты керамики принадлежат плоскодонным сосудам баночной формы. Фрагменты сосудов, относящиеся к новокусковскому типу, орнаментированы в отступающе-накольчатой и прочерченной техниках. Орнамент на фрагментах сосудов игрековского типа выполнен в накольчатой и отступающей-накольчатой техниках (Квасница, Бычков, Идимешев, 2023, с. 50).

Важным наблюдением является тот факт, что часть керамических фрагментов имеет признаки обоих упомянутых культурных типов. В совокупности со стратиграфическими наблюдениями это косвенно подтверждает версию о единовременности функционирования объекта. Можно сделать осторожное предположение о смешении двух культурных традиций, а аналогичная стратиграфическая приуроченность новокусковского и игрековского типов керамики, в свою очередь, указывает на необходимость пересмотра линейной схемы развития неолита-энеолита Нижнего Притомья. В контексте вышеизложенного можно обратить внимание на то, что в как минимум трех погребениях могильника Старое Мусульманское Кладбище фиксировалось совместное залегание сосудов новокусковской и игрековской традиций (Марочкин, 2014, с. 117–118), а положение об одновременном бытованиях двух культурных традиций неолита на территории Нижнего Притомья в научной литературе уже высказывалось (Марочкин, Юракова, 2014, с. 194–195). Таким образом, результаты работ на памятнике Остров Няша-І позволяют добавить еще один аргумент к сформулированному ранее предположению. Однако эта тема требует отдельного обстоятельного исследования.

С помощью AMS-датирования в ЦКП «Геохронология кайнозоя» ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» по образцам угля из культуроносившего слоя шурфа были получены две радиоуглеродные даты, позволяющие датировать памятник концом 1-й — 2-й четвертью V тыс. до н.э. (Квасница, Бычков, Идимешев, 2023, с. 52).

Отдавая себе отчет в дискуссионности эпохально-хронологической принадлежности новокусковских и игрековских комплексов, авторы статьи все же полагают, что современное состояние в области изучения данных комплексов, а также полученные абсолютные даты свидетельствуют в пользу их неолитического характера. По этой причине выявленный археологический объект Остров Няша-И отнесен к периоду позднего неолита.

«Остров Няша-И». ОАН «Остров Няша-И» расположен в 3,39 км ниже по течению реки от д. Нагорный Иштан. Памятник занимает поверхность верхней часть правого склона русла Иштанской протоки р. Томи (западный берег о. Няша). К данному участку склона русла примыкает прирусловой вал высотой 5–6 м. Поверхность памятника состоит из руслового аллювия, растительность отсутствует. На склоне прируслового вала произрастает ива, по центру вала — разнотравно-злаковый осиново-березняк с примесью ели. Выраженные в рельефе объекты на слоне русла и прирусловом вале отсутствуют, памятник выделен по наличию подъемного материала, залегающего на участке протяженностью около 48 м и шириной около 16 м, на отложениях руслового аллювия.

Стратиграфическая характеристика памятника неизвестна, поэтому нет уверенности в том, залегали артефакты *in situ* в русле реки или их вымыло в результате разрушения части прируслового вала. В настоящее время площадь прируслового вала, примыкающая к месту залегания подъемного материала, не была включена в границы памятника. Для получения более подробной информации о памятнике требуется закладка стратиграфических разрезов и шурfov на прирусловом вале.

Археологические находки представлены 66 фрагментами керамических сосудов, датируются эпохами неолита, бронзы, раннего железа и средневековья. Неолитическую эпоху представляют пять фрагментов керамики (фрагмент венчика и четыре фрагмента тулов), относящиеся к новокусковскому типу, которые находят наиболее близкие аналогии на топонимном памятнике Новокусковская стоянка, расположенному в Томско-Нарымском Приобье (рис. 5.-1-3) (Косарев, 1981, с. 63–71). Эпоха бронзы представлена фрагментом венчика сосуда степановской культуры ранней бронзы, орнаментированного в печатно-гребенчатой технике и движущейся гребенкой (шаганием с протаскиванием) (рис. 5.-4) (Кирюшин, 2004, с. 61, 74–77; Молодин, Глушкин, 1989, с. 77–95). Фрагменты 15 венчиков от сосудов шеломокской культуры представляют скифское время на рассматриваемой территории. Орнамент составляют ямки, жемчужник и насечки. Один фрагмент принадлежит плоскодонному сосуду открытой формы, орнаментированному разреженными рядами насечек; в зоне донца имеется валик утолщения (рис. 5.-5–9) (Плетнева, 1977, с. 54–67). Также на памятнике обнаружен фрагмент венчика керамического сосуда раннего средневековья, орнаментированный печатной гребенкой и ямками (рис. 5.-14) (Беликова, Плетнева, 1983, с. 50–71). К периоду развитого средневековья отнесены шесть фрагментов керамических сосудов (четыре фрагмента венчика, два фрагмента тулов); орнамент выполнен гребенкой и ям-

ками (рис. 5.-10, 12-13) (Плетнева, 1997, с. 97–107). Позднее средневековье представлено пятью фрагментами сосудов (фрагмент венчика и четыре фрагмента тулов) с орнаментированными гребенкой и насечками (рис. 5.-11, 15) (Плетнева, 1990, с. 98–101). Остальные фрагменты сосудов не имеют признаков для атрибуции.

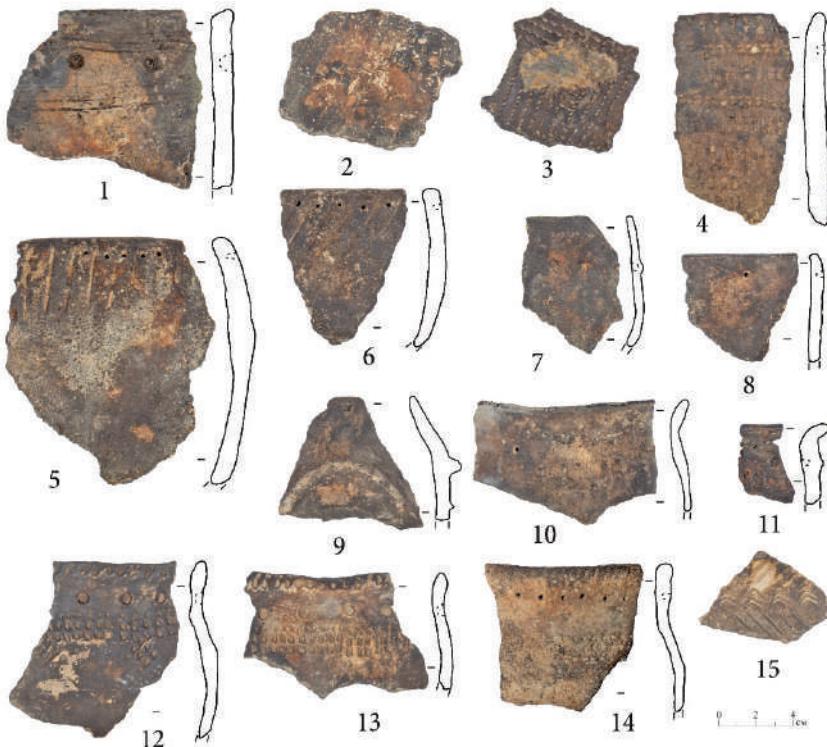

Рис. 5. Керамика ОАН «Остров Няша-II»: 1–3 — эпоха неолита; 4 — эпоха бронзы; 5–9 — эпоха раннего железа; 10–15 — эпоха средневековья

Fig. 5. Ceramics of the site «Ostrov Nyasha-II»: 1–3 — Neolithic, 4 — Bronze Age, 5–9 — Early Iron Age, 10–15 — Middle Ages

Заключение

Исследование острова Няша позволило установить, что пойменные острова в Нижнем Притомье заселялись как минимум начиная с периода позднего неолита и играли важную роль в хозяйственной деятельности людей вплоть до Нового и Новейшего времени. Освоение острова русским населением связано с основанием в середине XVII в. д. Нагорный Иштан. До этого момента Няша находилась во владении местных татар-эуштинцев, что не исключает функционирования здесь их сезонных «летних» поселений.

Анализ исторических и археологических источников подтверждает перспективность поиска и изучения объектов жизнедеятельности на пойменных островах, прежде всего для изучения формирования культурных ландшафтов Западной Сибири. Кроме этого,

их планомерное исследование позволит уточнить особенности сезонных моделей хозяйства древнего и средневекового населения.

Не менее значимым является тот факт, что островные пойменные памятники являются перспективной зоной для поиска стратифицированных контекстов, а также ранних комплексов, содержащих в культурном слое органические материалы, необходимые для получения абсолютных дат, недостаток которых является актуальной проблемой. Накопление этих данных позволит значительно повысить качество наших знаний о процессах заселении Нижнего Притомья и внесет вклад в уточнение культурно-хронологической схемы региона.

Стоит выразить надежду на то, что островным памятникам будет уделено значительно больше внимания, чем они заслуживали прежде. И полученный при обследовании острова Няша опыт послужит опорой для дальнейших подобных исследований, хотя бы в методическом смысле. Проведенные на памятнике Остров Няша-І работы продемонстрировали, что глубина залегания культуросодержащего слоя в зонах пойм может достигать очень значительных глубин. Это требует серьезных трудозатрат, однако в полной мере оправдывается открывающимися научными перспективами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Беликов Д.Н. Старинные монастыри Томского края. Томск : Паровая Типо-Литография П.И. Макушина, 1898. 212 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.

Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. 1950. Т. 112. С. 23–210.

Водясов Е.В. Острова в культурном ландшафте Нижнего Притомья в XVII–XVIII вв. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2020. №57. С. 952–959.

Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 180 с.

Карта юго-восточной части Томского округа. Инструментальная съемка под руков. полковника Сильвергельма. 10 л. рукоп. в красках. М-б 1:84000 // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 416. «Карты бывшей Российской империи». Оп. 9. Д. 554.

Квасница Ю.К., Бычков Д.А., Идимешев А.А. Роль памятника Остров Няша-І в построении культурно-хронологической схемы Нижнего Притомья // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, №4. С. 43–59. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(4\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(4).-03)

Кирюшин К.Ю. Культурно-хронологическая атрибуция находок с местонахождения Бураново-Острова (Барнаульское Приобье) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2024. Т. 11, №3(43). С. 124–130. DOI 10.24147/2312-1300.2024.11(3).124-130

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 295 с.

Кондрашов А.Н. Материалы исследований грунтового могильника Пыль-Карамо-1 и поселения Усть-Порос на севере Томской области // Материалы и исследования

по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. С. 63–69.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М. : Наука, 1981. 282 с.

Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 365 с.

Марочкин А.Г., Сизев А.С., Юракова А.Ю., Гаврилов Д.А., Хайрулина К.Д. Стратиграфия поселения Писаная-4 в окрестностях Томской Писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2021. С. 511–519.

Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Материалы неолита-энеолита стоянки Долгая-1 (южные районы Нижнего Притомья) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, №3. С. 189–201.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск : Наука, 1989. 168 с.

Молодин В.И., Зах В.А. Геоморфологическое расположение памятников эпохи неолита и бронзы в бассейнах рек Оби, Ини, Оми и их притоках // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 51–53.

Мыльникова Л.Н., Васильев Е.А. Керамический комплекс памятника Чекист (Томское Приобье): технология и морфология // Теория и практика археологических исследований. 2016. №4 (16). С. 101–123.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 150 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 133 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.

Подробные планы реки Томи от г. Томска до ее устья, по исследованиям, произведенным описной партией при управлении Томского округа п.с., в 1896 г. СПб. : Издание отдела статистики и картографии Министерства путей сообщения, 1906. 22 л.

Рудковский И.В. Керамика поселения Чердашный лог // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Томск : Изд-во Том. пед. ун-та, 2007. Вып. 1. С. 92–102.

Рудковский И.В., Рудковский С.И. Археологические памятники урочища Чердашный Лог // След на песке. Материалы и исследования по археологии. Томск; Северск : Дельтаплан, 2010. С. 163–182.

Рудковский С.И. Пояснительная записка к коллекции сборов с острова Няша (№6050) в Томском районе Томской области в 1998 г. Северск, 2009. 3 с. // Архив МБУ «Музей г. Северска».

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 310 с.

Синицына Г.В. Игремово-І — памятник неолита в Среднем Приобье // Палеолит и неолит. Л. : Наука, 1986. С. 100–108.

Синицына Г.В. Неолитическая стоянка Игремово-ІІ в Среднем Приобье // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 203. Исследования памятников неолита и бронзы. М. : Наука, 1991. С. 78–84.

Ширин Ю.В. Материалы археологических разведок на р. Томи // Из кузнецкой старины. Вып. 6. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2015. С. 4–75.

REFERENCES

- Belikov D.N. Ancient Monasteries of Tomsk region. Tomsk : Parovaya Tipy-Litografiya P.I. Makushina, 1898. 212 p. (In Russ.)
- Belikova O.B., Pletneva L.M. The Sites of the Tomsk Priobie of the 5th –8th Century AD. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1983. 244 p. (In Russ.)
- Boyarskikh Z.Ya. Population of Tomsk District in the First Half of the 17th Century. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Tomsk State University*. 1950;112:23–210. (In Russ.)
- Vodyasov E.V. The Islands in a Cultural Landscape of the Lower Tom River Region in the 17th–18th Centuries. *Bylye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal = Former years. Russian Historical Journal*. 2020;57(3):952–959. (In Russ.)
- Emelyanov N.F. Russian Settlement of the Middle Ob Region in the Feudal Era. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1981. 180 p. (In Russ.)
- Map of the South-Eastern Part of the Tomsk District. Instrumental Survey under the Leadership of Colonel Silverhelm. 10 p. Manual in Colors. Scale 1:84000. In: Russian State Military Historical Archive. F. 416. «Maps of the former Russian Empire». Inv. 9. C. 554.
- Kvasnica Yu.K., Bychkov D.A., Idimeshev A.A. The Role of the Ostrov Nyasha-I Site in the Construction of the Cultural and Chronological Scheme of the Lower Tom Region. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2023;35(4):43–59. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(4\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(4).-03)
- Kiryushin K.Yu. Cultural-chronological Attribution of Finds with the Location of Buranovo Islands (Barnaul Ob Region). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki = Bulletin of Omsk University. Series Historical Studies*. 2024;11(3/43):124–130. (In Russ.) [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11\(3\).124-130](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11(3).124-130)
- Kiryushin Yu.F. Eneolithic and Bronze Age of the Southern Taiga Zone of Western Siberia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. 295 p. (In Russ.)
- Kondrashov A.N. Research Materials from the Pyl-Karamo-1 Soil Burial Ground and the Ust-Poros Settlement in the North of the Tomsk Region. In: Materials and Research on the History of North-Western Siberia. Yekaterinburg : Izd-vo Ural. gos. un-ta, 2002. Pp. 63–69. (In Russ.)
- Kosarev M.F. Bronze Age of Western Siberia. Moscow : Nauka, 1981. 282 p. (In Russ.)
- Marochkin A.G. Funeral Practice of the Population of the Upper Ob Region during the Neolithic and Eneolithic Periods (history of study, structural analysis and typology, problems of cultural and chronological interpretation): Dis. ... Cand. Hist. Sciences. Kemerovo, 2014. 365 p. (In Russ.)

Marochkin A.G., Sizov A.S., Yurakova A.Yu., Gavrilov D.A., Khairulina K.D. Stratigraphy of the Pisanaya-4 Settlement near the Tomskaya Pisanitsa Petroglyphic Site. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXVII. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2021. Pp. 511–519. (In Russ.)

Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Neolithic-Eneolithic Findings from Dolgaya 1 site (south of Lower Tom' region). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya, Filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History and Philology.* 2014;13(3):189–201. (In Russ.)

Molodin V.I., Glushkov I.G. Samus Culture in the Upper Priobye. Novosibirsk : Nauka, 1989. 168 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Zakh V.A. Geomorphological Location of Neolithic and Bronze Age Sites in the Basins of the Ob, Inya, Om Rivers and Their Tributaries. In: Features of the Natural-Geographical Environment and Historical Processes in Western Siberia. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1979. Pp. 51–53. (In Russ.)

Mylnikova L.N., Vasilyev E.A. The Chekist Site Complex (the Tomsk Ob area): technology and morphology. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research.* 2016;4(16):101–123. (In Russ.)

Pletneva L.M. Tomsk Ob Region at the End of the 8th to the 3rd Millennium BC. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1977. 150 p.

Pletneva L.M. Tomsk Ob Region in the Late Middle Ages (Based on Archaeological Sources). Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1990. 133 p. (In Russ.)

Pletneva L.M. Tomsk Ob Region at the Beginning of the 2nd Millennium AD (based on archaeological materials). Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1997. 350 p. (In Russ.)

Detailed Plans of the Tom River from the City of Tomsk to Its Mouth, Based on Research Conducted by the Survey Party under the Administration of the Tomsk District of the p.s., in 1896. Saint Petersburg : Izdanie otdela statistiki i kartografii Ministerstva putej soobshcheniya, 1906. 22 p. (In Russ.)

Rudkovsky I.V. The Pottery from the Cherdashny Log Settlement. In: Archaeology and Ethnography of the Ob Region: Materials and Research. Tomsk : Izd-vo Tom. ped. un-ta, 2007. Issue 1. Pp. 92–102. (In Russ.)

Rudkovsky I.V., Rudkovsky S.I. Archaeological Sites of the Cherdashny Log Tract. In: Footprint in the Sand. Materials and Research on Archaeology. Tomsk; Seversk : Deltaplan, 2010. Pp. 163–182. (In Russ.)

Rudkovsky S.I. Explanatory Note to the Collection from Nyasha Island (№6050) in the Tomsk District of the Tomsk Region in 1998. Seversk, 2009. 3 p. In: Archive of the Seversk Museum. (In Russ.)

Siberia of the 18th Century in the Travel Descriptions of G.F. Miller. Novosibirsk : Sibirskij hronograf, 1996. 310 p. (In Russ.)

Sinitsina G.V. Igrekovo-I — a Neolithic Site in the Middle Ob Region. In: Paleolithic and Neolithic. Leningrad : Nauka, 1986. Pp. 100–108. (In Russ.)

Sinitsina G.V. Neolithic site Igrekovo-II in the Middle Ob Region. In: Brief Communications of the Institute of Archaeology. Issue 203. Studies of Neolithic and Bronze Age monuments. Moscow : Nauka, 1991. Pp. 78–84. (In Russ.)

Shirin Yu. V. Materials of Archaeological Exploration on the Tom River. In: From Kuznetsk Antiquity. Issue 6. Novokuznetsk : Kuzneckaya krepost', 2015. Pp. 4–75. (In Russ.)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Квасница Ю.К.: анализ археологических материалов, написание соответствующего раздела статьи, а также введения и заключения.

Yu.K. Kvasnica: analysis of archaeological materials, writing the relevant section of the article, a the introduction and conclusion.

Барсуков Е.В.: историческая и картографическая характеристика, написание соответствующего раздела статьи.

E.V. Barsukov: historical and cartographic characteristics, writing the relevant section of the article.

Лойко С.В.: картографическая и природно-географическая характеристика, написание соответствующего раздела статьи.

S.V. Loiko: natural-geographical and cartographic characteristics, writing the relevant section of the article.

Идимешев А.А.: идея публикации, полевые археологические исследования.

A.A. Idimeshev: the idea of the publication, field archaeological research.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Квасница Юлия Константиновна, младший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии филологического факультета Томского государственного университета, Томск, Россия.

Yuliya K. Kvasnica, Junior Researcher, Laboratory of General and Siberian Lexicography of the Faculty of Philology, Tomsk State University, Tomsk, Russia.

Барсуков Евгений Владимирович, научный сотрудник Лаборатории биогеохимических и дистанционных методов мониторинга окружающей среды биологического института Томского государственного университета, Томск, Россия; научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия.

Evgenij V. Barsukov, Researcher, Laboratory of Biogeochemical and Remote Methods of Environmental Monitoring, Tomsk State University, Tomsk, Russia; Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

Лойко Сергей Васильевич, кандидат биологических наук, заведующий лабораторией биогеохимических и дистанционных методов мониторинга окружающей среды Томского государственного университета, Томск, Россия.

Sergei V. Loiko, Candidate of Biological Sciences, Head of the Laboratory of Biogeochemical and Remote Methods of Environmental Monitoring, Tomsk State University, Tomsk, Russia.

Идимешев Асан Алексеевич, младший научный сотрудник Института номадической археологии Монгольского государственного университета, Улан-Батор, Монголия.

Asap A. Idimeshev, Junior Researcher, The institute of Nomadic Archaeology of National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia.

*Статья поступила в редакцию 11.11.2024;
одобрена после рецензирования 25.11.2024;*

принята к публикации 29.11.2024.

The article was submitted 11.11.2024;

approved after reviewing 25.11.2024;

accepted for publication 29.11.2024.